

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТряСЕНИЯ 20-ГО СТОЛЕТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В.Я. Плоткин

Бир-Шева, Израиль

Тремя сильнейшими геополитическими потрясениями в прошлом веке, чьи социально-психологические последствия ещё полностью не преодолены, были крушение четырёх империй в результате Европейской войны, гибель Третьего Рейха и ликвидация всех колониальных империй в результате Мировой войны, распад СССР (Второй Российской империи) с окончанием «холодной войны».

Ключевые слова: геополитика, Версальская система, Европейская война, Мировая война, Холодная война.

Войны, охватившие в прошлом столетии сначала Европу, а затем и весь мир, привели к глобальным потрясениям, которые оставили глубокий след в судьбах человечества и будут ещё сказываться по меньшей мере до середины нынешнего века. Посвящённая им литература неозрима, а острая полемика вокруг них не стихает. Мы ограничимся здесь обсуждением двух взаимосвязанных аспектов этих войн – их восприятия в коллективном сознании тех, кто был в них вовлечён, то есть практически всего населения воюющих стран, и обратного воздействия общественного восприятия их хода и итогов на мотивировку, подготовку, ведение и результаты последующих войн.

Одним из коренных отличий войн 20-го века от военных конфликтов, типичных для средневековой Европы, явились активные позиции народных масс по отношению к войне во всех её аспектах. Ведь цели и результаты войн, которые столетиями

велись с помощью наёмных армий за территории, престолонаследие и контрибуции, не могли интересовать подданных феодальных государей. Это, разумеется, не относится к войнам гражданским (крестьянским, религиозным), а с 16-го века и революционным антифеодальным (в Англии и Нидерландах).

Война новорожденной Французской республики в конце 18-го века против интервенции европейских монархий с целью восстановить в ней свергнутую монархию получила народную поддержку как продолжение революции. Однако после провала интервенции взойшедший на императорский трон Наполеон в полном соответствии со своим новым положением сделал целями продолжавшихся им войн территориальные переделы, права на престолонаследие и контрибуции. А с его падением и установлением в Европе полновластия Священного союза прежние традиции ведения и заверше-

ния войн были закреплены ещё на столетие.

За это время радикально изменились армии, получившие в результате промышленной революции и технического прогресса новое, более мощное и эффективное вооружение. Его массовое внедрение потребовало коренного изменения в качественном и количественном составе вооружённых сил – на смену небольшим наёмным войскам, где от солдат требовались прежде всего бойцовские качества, пришли массовые армии с оружием, предполагавшим у солдата определённый уровень технической грамотности. Такие армии могли формироваться только на основе всеобщей воинской повинности, которая в 19-м веке была введена в ряде европейских стран. В первую армию нового типа, созданную в революционной Франции, призывались только неженатые мужчины не старше 25 лет. Поскольку в новых условиях этого оказалось недостаточно для ведения войн, срок воинской повинности был продолжен введением службы в армейском запасе, что позволило на время войны ставить под ружьё практически всё боеспособное мужское население страны.

Наряду с собственно военными, геополитическими, экономическими, социальными и другими последствиями появление многомиллионных технически оснащённых, «индустриализованных» армий приобрело и немаловажное социально-психологическое значение. Как и все новшества в истории войн – от первобытного копья до наиновейшей ракеты, новый облик вооружённых сил серьёзно повлиял на геостратегические замыслы государственных и военных руководителей ведущих европейских стран, значительно укрепив их оптимизм в оценке военного могущества

своих стран и тем самым повысив их готовность прибегнуть к войне для решения назревающих конфликтов.

Психологически свойственное сильным, самоуверенным людям (а другие к руководству государствами и армиями практически не приходят) предпочтение оптимистической оценки положения и возможностей своей страны помешало учёту двух факторов, прямо вытекающих из изменений в характере вооружённых сил и военном деле. Оба они относятся к оценке сил противодействия со стороны двух других участников готовящейся войны. Один из них, разумеется, предполагаемый противник, который также перестраивает и перевооружает свои войска. Даже если армии обеих враждующих сторон осуществляют эти процессы одинаково успешно, эффект обновления может быть сведён на нет для обеих сторон, что оставляет соотношение сил между ними в целом неизменным. А завышенная оценка своей деятельности в этом направлении и пренебрежение к успехам соперника заведомо пагубны.

Однако в новых условиях на сцену вышел и третий участник войны, чья способность оказать значительное, подчас решающее воздействие на характер и результаты войны не могла быть принята во внимание на рубеже 20-го века, потому что само его появление на исторической арене не было даже в полной мере осознано теми, кто замышлял и готовил войну. Это – народные массы, которые только теперь стали вовлекаться в войну и как солдаты, и как производители всего, что требуется для ведения войны, и как носители тяжёлого бремени военных расходов, тягот и лишений. В новых условиях цели войны, её цена для нации как в человеческих жизнях и страданиях, так и в материальном ущербе не-

избежно стали предметом первостепенного интереса народа и факторами, от которых прямо зависела всенародная поддержка войны или сопротивление ей. Государство больше не могло полагаться на беспрекословное повиновение миллионов вооружённых граждан или подданных. Но этот коренной исторический поворот стал очевиден только тогда, когда терпение народов трёх воюющих государств истощилось, и революционные взрывы в России, затем в Германии и Австро-Венгрии смели их государей с императорских тронов.

В политически ангажированной литературе, в том числе и научной, до сих пор распространено мнение о том, что народы якобы заведомо против войны. Из него следует, что войны затеваются узкими группами ради достижения их политических и/или экономических целей, народы же оказываются жертвами, которые ввергаются в кровавые войны вопреки своей воле, обманутые милитаристской пропагандой. В соответствии с этим мнением вину за развязанную войну, за допущенные в ней прощётты, за понесённые потери и горечь поражения принято возлагать на руководителей государств и полководцев, игравших ведущую роль в подготовке войны, её начале, ходе и завершении. Но при этом оставляется в тени исторический факт широкой общественной поддержки войне, особенно в её начале или при её успешном ходе. С начала 20-го века способность европейских государств, даже авторитарных или тоталитарных, развязать и долго вести войну без такой поддержки весьма сомнительна.

Общеизвестно, что в 1914 г. народы вступивших в войну стран поддержали этот шаг своих правительств. Следует подчеркнуть, что в этом отношении не было различий между странами с разным госу-

дарственным строем – вспыхнувшую войну поддержали как граждане демократической Французской республики и подданные по сути не менее демократического Британского королевства, так и подданные авторитарных Германской, Австро-Венгерской и Российской империй.

Таким образом, разразившаяся в Европе война была подготовлена и начата государствами, вошедшими в противостоящие альянсы, при одобрении их народов. Однако общественная поддержка войны неизбежно ослабевает по мере её затягивания, ужесточения, роста числа жертв и обострения экономического положения народных масс, а также растущего разочарования в достижимости её провозглашённых целей. Это ставит руководителей воюющего государства перед нелёгким выбором – продолжать войну становится всё труднее, а выход из неё без победы грозит им свержением. Отсюда отчаянные попытки добиться победы ценой всё растущих потерь, усугубляющих сопротивление народа и армии продолжению войны. В 1917–1918 гг. три империи рухнули от истощения, уступив победу западным участникам Антанты, которые воевали ничуть не более успешно, но смогли выдержать колоссальное перенапряжение несколько дольше.

С завершением войны на первый план выдвинулась острейшая задача подведения её итогов. Следует отметить, что международно-правовое оформление итогов войн в мирных договорах, где чётко фиксируются победители и побеждённые, нередко принципиально расходится с геополитической оценкой последствий войны, которая основана на сопоставлении геополитического положения участников войны до её начала и после её завершения. Из него выясняется, в частности, насколько

удалось победителям достичь поставленных при начале войны целей, в каком состоянии завершили войну как победители, так и побеждённые. При этом может оказаться, что положение победившего государства на геополитической карте региона или мира ухудшилось по сравнению с довоенным, а потерпевшее поражение государство, напротив, улучшило своё положение в результате существенных сдвигов на этой карте. Представляется, что подлинные масштабы крупных геополитических катаклизмов прошлого столетия могут быть адекватно выявлены только таким анализом, а не формальным делением государств на победителей и побеждённых.

Именно в геополитическом отношении итоги войны оказались весьма сложными и проблематичными. Пять начавших её крупных государств объединялись в два противоборствующих блока: Антанту и Центральные державы. Поскольку последние потерпели полное поражение и рухнули как империи, Антанту принято считать победившей стороной. Однако один из её членов – Российская империя – до победы не дожила и обрушилась так же, как через полтора года и её противники, которые за это время успели навязать её советской премнице сепаратный Брестский мир со значительными территориальными уступками и контрибуцией в их пользу. Когда же крушение Российской империи значительно повысило вероятность поражения ослабленной этим событием Антанты, к ней присоединился новый союзник – США. Прибытие на фронт американского экспедиционного корпуса переломило ход войны и привело к победе Антанты.

Таким образом, по окончании войны геополитическая карта Европы приняла вид, который победившая сторона не

могла предусмотреть и к которому она не была готова. Если бы этот альянс сохранил свой первоначальный состав до победного завершения войны, над Европой было бы установлено англо-франко-российское господство, то есть сохранилась бы довоенная конфигурация с центрами силы на западе и востоке континента, но при ослабленном в результате поражения срединном регионе. Подобный расклад встречается на геополитических картах регионов нередко и может быть довольно устойчивым. Но послевоенная геополитическая конфигурация Европы оказалась перекошенной и потенциально неустойчивой. Её главной чертой оказалось практическое отсутствие на континенте центров реальной силы. В восточной и срединной Европе они исчезли вследствие военного поражения и ликвидации всех трёх империй, а на западе Франции и Англии, ослабленных затянувшейся войной, пришлось разделить победу с США, без участия которых она вряд ли была бы одержана.

Исчезновение реальных центров силы на важнейшей геополитической арене планеты – Европейском континенте явилось первым геополитическим потрясением, которое повлекло за собой другие, не менее опустошительные катаклизмы века.

Заполнить вакуум силы в Европе, который грозил неизбежно взорвать весь мир, реально мог лишь один из победителей – США, но эта заокеанская держава тогда предпочла уклониться от вовлечённости в проблемы другого континента. В этих обстоятельствах задача послевоенного устройства Европы полностью легла на Францию и Англию. Давно уже общепризнанно, что принятые ими тогда решения были весьма недальновидными и имели тяжчайшие последствия для судьбы Европы

и всего мира. Соглашаясь с этим приговором истории, обратим внимание на причины, которые сделали эти пагубные решения неизбежными в тогдашней конкретной исторической обстановке, причём, следуя изложенной выше позиции, рассмотрим и роль, которую сыграли в их принятии народы стран-победителей.

Послевоенное устройство в Европе, известное как Версальская система, было закреплено в договорах об условиях мира и новых межгосударственных границах. В основу системы были положены некоторые новые правовые и политические принципы, в том числе вина и ответственность потерпевших поражение государств за войну и причинённые ею пагубные последствия, а также право наций на самоопределение.

Версальская система подверглась критике с самого начала, а её несостоятельность стала очевидной уже через несколько лет. Окончательно похоронила её новая война, вспыхнувшая в Европе два десятилетия спустя и вскоре охватившая весь мир. Мнение о том, что именно пороки, изначально присущие этой системе, привели к такой катастрофе, стало общепринятым. Поэтому критика самой системы давно утратила актуальность, тем более, что при подведении итогов следующей войны уроки провала Версальской системы были в значительной части учтены. Однако глубокий анализ положенных в её основу принципов может оказаться полезным при рассмотрении актуальных геополитических проблем нынешнего века.

Серьёзнейшим изъяном Версальской системы было полное отсутствие у неё геополитического фундамента – анализа описанной выше асимметричной геополитической ситуации, сложившейся в Европе после окончания войны. Такой анализ сделал

бы очевидной нереальность попыток победивших держав установить и закрепить своё господствующее положение на Европейском континенте. Но одним из важнейших итогов войны, который сделал победу Антанты далеко не полной и серьёзно осложнил послевоенную геополитическую обстановку в Европе, явилось поражение России, приведшее к её выходу из продолжавшейся войны и вследствие этого полностью исключению из Версальской системы.

В международно-правовом отношении это было вполне оправданно, так как советская преемница Российской империи не была стороной ни в одном из мирных договоров системы. Но Версальская система не могла сводиться к нескольким договорам об условиях мира с отдельными странами – сами эти договоры должны были вписываться во всеобъемлющую, долгосрочную, геополитически обоснованную программу обеспечения мира на Европейском континенте. Такая программа не могла быть действенной без учёта реального положения на его восточной части и оценки динамики этого положения. Иными словами, победившие государства Антанты должны были дать ответ на вопрос о месте правопреемника их прежнего союзника в послевоенном устройстве Европы. На деле же установленная ими Версальская система охватывала пространство с неочерченной границей на востоке, за которой простиралось крупнейшее в Европе государство, чья геополитическая роль на континенте была оставлена системой без внимания.

Современная наука о естественно складывающихся системах (системономика) исходит из того, что они могут плодотворно рассматриваться только полностью, в границах, определяемых их собственной структурой, а не постулируемых исследо-

вателем в соответствии с его возможностями или предпочтениями. Европа как геополитический ареал простирается на восток вплоть до Уральских гор, по меньшей мере до Волги. Каковы бы ни были разногласия о восточной границе Европы как единстве культурном, идеологическом, социально-политическом, экономическом и т.д., о принадлежности к ней России или других стран на рубежах между её западной и восточной частями, в геополитическом аспекте Европа есть объективно данное целое, и любые построения, охватывающие лишь одну её часть, не могут быть эффективными.

Однако послевоенная действительность не позволила разработать и осуществить единое переустройство Европы с учётом всей сложности геополитической обстановки на континенте. Вопрос о западных границах Советской республики, возникшей после распада Российской империи и вышедшей из состава Антанты, решался не в рамках Версальской системы, а в ходе гражданской войны в России, охватившей и западные национальные окраины империи. Таким образом, в Европе возникли две взаимно не согласованные системы послевоенного устройства, что пагубно отразилось на геополитическом положении государств, оказавшихся на рубеже между двумя системами – от Финляндии до Румынии.

Одним из международно-правовых новшеств Версальского договора считается введение принципа вины и ответственности за войну, которые были возложены на побеждённые государства. Это встретило возражения юридического характера как шаг, возвращавший человечество к временам, когда право отождествлялось с силой (“might is right”) и поединок признавался

законным способом разрешения конфликта. С другой стороны, требование возмещения Германией потерь, причинённых военными действиями, особенно гражданскому населению Франции, представлялось справедливым, тем более, что на германскую территорию войска Антанты не вступили и прямого ущерба населению Германии причинить не могли. В этом вопросе выявились значительные различия между Францией, которая требовала от Германии репарации в крупных размерах за нанесённый её населению и экономике ущерб, и Англией, чья территория от войны не пострадала. Оба государства не поддержали предложений президента США Вудро Вильсона – 14 пунктов, обобщённых в тезисе «мир без победы».

Следует отметить, что именно в этом жгучем для народных масс вопросе, особенно чувствительном для французского народа, руководители государств, вырабатывавших условия Версальского договора, были по сути лишены выбора. Общественное мнение Франции, безоговорочно поддержавшее вступление в войну, чтобы восстановить попорченное в 1871 г. величие державы и вернуть утраченные тогда провинции, за четыре с лишним года войны настолько устало от огромных жертв и тягот, что, вероятно, приняло бы ничейный исход войны по принципу «мир без победы». Но когда опасность миновала и враг капитулировал, общественное мнение потребовало наказать его так, чтобы навсегда отбить у него охоту воевать против Франции.

Здесь уместно поставить вопрос о распределении ответственности между правительствами и народами стран-победителей за недалёковидные решения о послевоенном устройстве Европы, вскоре оказавшиеся столь пагубными для этих же стран. Тог-

дашние правительства, несомненно, несут всю полноту ответственности за свою геополитическую близорукость, так как геополитика – это сфера знаний и деятельности, лежащая далеко за пределами компетенции широких масс. Демократические правительства нередко ставят острые геополитические проблемы на общенародное обсуждение и решают их с оглядкой на его результаты. Опасность здесь кроется не только в недостаточной компетентности широких масс в обсуждаемых вопросах, особенно, если речь идёт о политике по отношению к отдалённым регионам и государствам, но и в нередко повышенной эмоциональности – как положительной, так и отрицательной – взаимоотношений между народами. Трудно найти оптимальный баланс между эмоциональным и рациональным подходами, когда народ того или иного государства воспринимается как давний друг, союзник, единоведец и т. п., или же как закоренелый враг, предатель, культурно и/или морально неполноценный. При господстве таких настроений нельзя рассчитывать на осознание изменившейся геополитической ситуации, которая может потребовать пересмотра застарелых оценок и готовности заключить союз с давним врагом или пойти на конфликт с традиционно дружелюбным соседом. К сожалению, послевоенная обстановка в Европе была в этом аспекте крайне неблагоприятна для принятия рациональных, дальновидных решений.

Особенно заметно проявилось в Версальской системе отсутствие чёткой, последовательной политики в определении новых межгосударственных границ. С одной стороны, был провозглашён и получил широкую общественную поддержку курс на самоопределение наций вплоть до пре-

доставления им государственной независимости. Практическая реализация этого курса означала отторжение значительных территорий от побеждённых империй, что, разумеется, вполне согласовалось со стремлением победителей чувствительно наказать признанных виновников войны. Между тем последовательное проведение курса на самоопределение наций требовало бы полного учёта прав и законных интересов всех наций, в том числе, разумеется, и тех, чьи государства проиграли войну, так как поражение в войне отнюдь не лишает нацию права на самоопределение. На деле же Версальская система награждала государства за участие в войне на стороне Антанты, передавая им территории от побеждённых государств. На последние же принцип самоопределения наций распространён не был, вследствие чего значительные части их народов стали национальными меньшинствами в присоединивших эти территории государствах, что существенно осложнило как внутривнутриполитическое положение в новорожденных государствах, так и межгосударственные отношения в послевоенной Европе.

Итак, ни реальная геополитическая конфигурация, сложившаяся в Европе в результате закончившейся войны, ни послевоенное переустройство, осуществлённое победившими государствами, не могли обеспечить геополитическую устойчивость континента, необходимую для установления прочного мира на нём. В послевоенное двадцатилетие (1919–1939 гг.) мир в Европе сохранялся потому, что после изнурительной войны ни у победителей, ни тем более у побеждённых просто не было сил для новой войны. Но и те, и другие, осознавая неестественность Версальской системы и непрочность основанного на ней мира, вско-

ре приступили к формированию новых межгосударственных союзов.

На первый план в этих геостратегических поисках выдвинулись взаимоотношения между тремя главными игроками на европейской геополитической арене – англо-французским альянсом, Германией и СССР. Первый из них как победитель в недавней войне и главная опора Версальской системы располагал силой и влиянием, которых ещё не могло быть у двух других игроков, поскольку оба потерпели поражение в войне, утратили территории, перенесли революции и гражданские войны. Однако неизбежное восстановление Германии и СССР как сильных и влиятельных держав не могло не изменить геополитическую конфигурацию Европы коренным образом.

Франция и Англия, естественно, ставили целью сохранение своего господствующего положения в Европе, которому угрожали как восстановление сильной Германии, так и усиление позиций СССР. В то же время обнаружились и некоторые различия в их геостратегических акцентах. Франция, больше всего опасавшаяся реванша со стороны Германии, искала союзников на восточных границах Германии. Она заключила союзы с Польшей, Чехословакией и Румынией, обещая им помощь в случае угрозы нападения на них, причём не только с запада, но и с востока. Реальность такой двусторонней угрозы в будущем стала очевидной, когда Германия и СССР начали искать пути к сближению, чтобы совместно преодолеть попытки изолировать их в Европе. Англия же предпочла курс на ослабление изоляции Германии в Европе с целью ослабить её готовность к союзу с СССР.

Внешнеполитическая подготовка важнейших европейских держав к будущей войне была направлена на определение со-

става наиболее выгодных для каждой из них военных союзов. Материальная подготовка к войне велась прежде всего как гонка вооружений, наиболее интенсивная в СССР и Германии, которые поставили перед собой задачу намного опередить по военной мощи как друг друга, так и соперников на западе.

Тоталитарные режимы в обеих этих странах уделяли большое внимание и человеческому фактору, целенаправленно готовя народы своих стран к предстоящей битве за господство над Европой, которое в одной из них обосновывалось своим национальным и расовым превосходством над другими европейскими народами, а в другой – стремлением освободить эти народы от капиталистического гнёта и помочь им вступить на путь построения коммунизма. В Германии также акцентировалась задача реванша за поражение в прошлой войне и не только возвращения всех отторгнутых от неё территорий, но и присоединения к восстановленной империи всех населённых немцами земель. Лозунг о возврате утраченных территорий в СССР открыто не поднимался, вероятно, потому, что во время проигранной в конечном счёте прошлой войны нынешняя правящая партия выступала за поражение Российской империи и самоопределение для её народов, тем самым прямо содействуя отторжению от неё национальных окраин. Однако в этом лозунге теперь не было нужды, так как освобождённые от гнёта капитализма народы подлежали присоединению к СССР по иному, идеологическому обоснованию.

В отличие от тоталитарных государств народы Франции, Англии и других западноевропейских демократий на протяжении всего межвоенного периода придерживались в основном пацифистских взглядов.

Несмотря на сохранявшиеся антигерманские и распространённые антинацистские настроения, народы этих стран не были готовы поддержать военные меры для пресечения нарушений Версальского договора Германией.

Длившийся два десятилетия межвоенный период закончился, когда два главных игрока на европейской геополитической арене – СССР и Германия – в августе 1939 г. согласовали свои позиции, что позволило Германии бросить открытый вызов англо-французской коалиции и окончательно похоронить остатки Версальской системы. Только после вторжения германской армии в Польшу 1-го сентября 1939 г. Англия и Франция решились дать отпор возродившейся Германской империи и объявили ей войну.

Начавшуюся войну принято называть Второй мировой, тогда как предшествовавшая ей война получила название Первой мировой. Здесь эти обозначения не используются по двум причинам. Во-первых, автор придерживается давно уже высказанной точки зрения, согласно которой нападение Германии на Польшу и вступление Англии и Франции в войну целесообразно рассматривать, вслед за З. Нейманном¹, не как начало новой войны, а как возобновление той же войны после 20-летней передышки, аналогично тому, как принято описывать Столетнюю и Тридцатилетнюю войну, которые тоже состояли из нескольких войн с перемириями между ними. Уинстон Черчилль также называет обе войны вместе «новой Тридцатилетней войной»².

¹ У. С. Черчилль. Вторая мировая война. В 3 т. [Предисловие автора]. М.: Воениздат, 1991. – Кн. 1. – 590 с.

² Neumann S. The Future in Perspective. New York: Putnam, 1946. – 406 p.

Во-вторых, первую часть этой войны вряд ли можно считать мировой войной. Участие в ней нескольких неевропейских государств и боевые действия на других континентах не должны заслонять того, что война вспыхнула из-за конфликта между крупнейшими европейскими державами и велась за господство над Европой, что только для Европы война стала катастрофой подлинно континентального масштаба, что она коренным образом изменила геополитическую конфигурацию лишь одного континента. Участие США в войне на её заключительном этапе оказалось решающим, но помощь была оказана одной стороне в войне, которую сами США рассматривали как сугубо европейскую и поэтому не сочли целесообразным принять участие в определении и закреплении её результатов.

Война, вспыхнувшая после 20-летнего мира, который на деле оказался всего лишь передышкой, тоже была поначалу европейской как по составу участников, так и по их целям – восстановившая свои силы Германия стремилась взять реванш за поражение, а прежние победители пытались отстоять своё господство в Европе, сильно пошатнувшееся за два межвоенных десятилетия. Эта была по сути второй этап Европейской войны. Отметим, что такой подход позволяет трактовать захват Германией Австрии, Чехии и части Литвы в предвоенные годы как военные операции в рамках этой войны.

СССР, который давно уже интенсивно готовился к возобновлению Европейской войны и к своему вероятному участию в ней, а также вёл активную внешнеполитическую деятельность с целью найти наиболее выгодную для себя геостратегическую линию, решил в войну между двумя

противниками не вступать, но занять позицию нейтралитета, дружественного по отношению к Германии. В обмен Германия согласилась с намерением СССР приступить к удовлетворению своих территориальных притязаний ко всем его соседям на западной границе. Через несколько дней после вторжения германских войск в Польшу Красная Армия также вступила в эту страну и заняла её восточную часть. Вскоре между СССР и Германией был заключён договор «О дружбе и границе», по которому в состав СССР были включены Западная Белоруссия и Западная Украина. В октябре СССР потребовал от четырёх прибалтийских государств – Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы предоставить ему право на размещение своих войск на их территориях «в целях защиты этих небольших государств от их вовлечения в войну». Три из них уступили нажиму, и в них были размещены советские гарнизоны. Финляндия отклонила требование, и в ответ на отказ Красная Армия в конце ноября вторглась на её территорию. Упорное сопротивление финских войск было с большим трудом преодолено, и в марте 1940 г. война завершилась мирным договором, по которому Финляндия признала своё поражение и была вынуждена уступить победителю значительную часть своей территории, но сохранила независимость. В июне СССР полностью оккупировал Эстонию, Латвию и Литву, сверг их правительства и включил их территории в свой состав. Тем самым была завершена ликвидация всех государств, возникших в 1918 г. на территории между Германией и Россией. СССР также принудил Румынию передать ему спорную территорию Бессарабии и уступить северную часть Буковины.

Эти шаги, в особенности война с Финляндией, были расценены в Европе и Америке как свидетельство военного союза между СССР и Германией. Взгляд на СССР как союзника Германии в первый год после возобновления Европейской войны распространён и поныне. Этот взгляд обосновывают, наряду с согласованным разделом Польши, также прекращением в советской печати антинацистских выступлений и явной склонностью возлагать ответственность за войну на противников Германии. Однако в целом нет серьёзных оснований считать СССР тогдашним союзником Германии. Союзниками можно считать лишь государства, которые совместно ведут войну за общие цели, за общую победу и оказывают друг другу всестороннюю, прежде всего военную помощь и поддержку. Нетрудно видеть, что тогдашние взаимоотношения между Германией и СССР ни в коей мере не были сравнимы с отношениями, скажем, между Англией и Францией или между Германией и Италией в той же возобновлённой Европейской войне. На её начальном этапе СССР по своим соображениям был заинтересован в успехе Германии, но, разумеется, не в её окончательной победе над противниками.

В этом плане показательным общественное отношение в СССР к начавшейся войне, которое, вопреки распространённому мнению, вовсе не целиком совпадало с позициями, излагавшимися в официальной печати. По литературе, прежде всего мемуарной, известно, что в этот период на всех уровнях советской партийной и военной иерархии, как и многие годы до войны, нацистская Германия продолжала рассматриваться как непримиримый враг, война с которым неизбежна. Поколение, воспитанное на ожидании грядущей мировой рево-

люции и приветствовавшее присоединение к СССР новых республик на западной границе, верило в неизбежность пополнения его состава другими странами, не исключая, разумеется, и Германии.

Когда в 1940 г. Германия перешла к активным наступательным действиям против ряда европейских стран, в том числе и нейтральных, и после военного разгрома Франции овладела почти всей Западной Европой, общественное мнение в СССР, конечно же, отнюдь не обрадовалось, а ощутило заметное усиление напряжённости в отношениях с Германией и осознало нарастающую опасность войны с ней. Весной 1941 г. после успешной германской военной кампании на Балканах ощущение надвигающейся схватки между двумя не только геополитическими, но и идеологическими противниками стало практически всеобщим.

Военные победы Германии, которой удалось быстро и сравнительно легко овладеть почти всей Европой и поставить последнего западного противника – Англию перед реальной угрозой поражения, обеспечили германскому руководству общенародную поддержку и поощрили его на дальнейшую экспансию, которая теперь могла быть направлена только на восток. Это побудило советское руководство сменить первоначальный курс по отношению к войне на активное противостояние Германии, которая, в свою очередь, также интенсивно готовилась к нападению на СССР.

Начавшиеся в 1940 г. перемены во взаимоотношениях между СССР и Германией предвещали коренное изменение в характере 2-го этапа Европейской войны, которая по сути возвращалась к геополитической конфигурации её 1-го этапа – коалиции восточной и западной держав против

срединной. Такой поворот стал неизбежным, когда установление полного господства срединной державы над западной частью Европы оставило как западную, так и восточную державу разобщёнными и одинокими перед лицом окрылённой своими внушительными победами Германии.

В 1940 г. Англия подверглась масштабным ударам с воздуха и на морях, её военное и экономическое положение было отчаянным, но её руководство и народные массы были полны решимости выстоять в войне. Остро нуждаясь в союзниках, Англия была готова к альянсу с СССР, несмотря на идеологическое противостояние с его режимом и на его прежние военные действия в Польше и Финляндии.

К лету 1941 г. сосредоточенные на германо-советской границе армии завершили подготовку к военным действиям, которые с обеих сторон планировались как решительное наступление. Теперь всё зависело от того, какая из сторон нанесёт удар первой. Это сделала Германия.

Первые полтора года вспыхнувшей 22 июня 1941 г. войны оказались невероятно трудными для СССР, его руководства, армии и народа. До сих пор не стихают острые споры о далеко ещё не выясненных обстоятельствах подготовки к войне и её начале, о причинах тяжёлых поражений Красной армии и её отступления до Волги и Кавказа. В этих дискуссиях затрагивается и степень готовности государства и армии к отпору врагу, но больше внимания уделяется материальной стороне подготовки. Здесь мы рассмотрим другой её аспект – отношение к войне народных масс, учитывая, что оно прямо влияло на боеспособность армии. Понятно, что оптимистическая оценка официальной пропагандой этого важнейшего фактора в характере войны не может

восприниматься серьёзно. Бытующее мнение о полной осведомлённости советского руководства во всех аспектах подготовки страны к войне страдает односторонностью, так, оно получало точные доклады о её материальной стороне, но заведомо не могло знать правды о настроениях в народе и армии, так как установившийся в стране тоталитарный режим сам лишил себя обратной связи – неперемного условия получения полной и точной информации.

В некоторых публикациях последних лет высказано мнение о том, что катастрофические результаты боевых действий армии в первые месяцы войны явились следствием жестоких репрессий 1930-х гг., особенно во время коллективизации и раскулачивания, которые восстановили миллионы крестьян против режима, мотивируя тем самым массовое дезертирство и сдачу в плен. Автор этих строк, бывший свидетелем тех событий, согласен с тем, что этот фактор следует принимать во внимание, однако не считает его основным. Решающим представляется то, что вся армия, от солдата до генерала, и всё гражданское население, в том числе и в ежечасно расширявшейся прифронтовой полосе, с первого же часа войны были лишены надёжной информации о ходе боевых действий, о быстром продвижении врага вглубь страны. К этому добавилось и широко распространённое недоверие к официальной информации, которая долгие годы не только явно не соответствовала очевидным фактам положения в стране, но и довольно часто радикально меняла свои позиции по команде сверху.

В декабре 1941 г. характер войны снова коренным образом изменился вследствие нападения Японии на США, которым объявила войну также и Германия. Возник второй, Тихоокеанский театр военных дей-

ствий, который стал не менее важным, чем первый, Европейский. Вступление двух неевропейских держав в войну, которую уже вели три европейские, означало, что война превратилась из европейской в мировую, так как стратегические цели обеих её новых участников выходили далеко за рамки Европейского театра – если для США были важны оба театра, то Европа интересовала Японию лишь как далёкий континент, у государств которого она стремилась отобрать колониальные владения в Азии и Океании. (О переходе 2-й европейской войны в мировую в 1941 г. см. Taylor, A. J. P.)³ Превращение войны в мировую совпало по времени с переломом в её ходе на двух фронтах. С победой на Волге Красная армия перешла в наступление, завершившееся на Эльбе. В Северной Африке победа у Эль-Аламейна устранила угрозу выхода германских войск на Ближний Восток, где они намеревались соединиться с группировкой, наступавшей с севера на Кавказ.

Таким образом, Мировая война, в отличие от обоих этапов предшествовавшей ей Европейской, началась в условиях, которые с достаточной определённой предвещали победу коалиции Союзных держав – СССР, США и Англии (к которой присоединилась и борющаяся Франция). В мае 1945 г. победа была одержана на Европейском театре, а в сентябре – на Тихоокеанском.

Теперь во весь рост встала задача выработки такого послевоенного устройства не только для Европы, но и для всего мира, которое избежало бы повторения пагубных просчётов Версальской системы. В сложившейся в конце концов системе не удалось избежать серьёзного изъяна, по сути по той

³ Taylor, A. J. P. *The Origins of the Second World War*. London : Hamilton, 1961. – 296 p.

же причине, что и раньше, когда Версальская система оказалась неполной, не охватив Россию и её границы. Причиной тому стали выявившиеся вскоре после Мировой войны глубокие геостратегические и идеологические расхождения между СССР и его недавними союзниками, помешавшие сформировать единую систему послевоенного устройства мира. Общее для союзных держав мирное урегулирование не было достигнуто ни с Германией, ни с Японией.

В этих обстоятельствах западные державы, заинтересованные в скорейшем восстановлении прежних противников и подключению их к своему альянсу, не отторгли от них территории (кроме колониальных владений Японии) и не наложили на них непосильных репараций. Но на востоке Германия не только понесла значительные территориальные потери в пользу Польши и СССР, но и сама была разделена на два государства, из которых одно вошло в западный альянс и сохранило прежний общественный строй, тогда как другое было включено в обширную сферу политического и идеологического влияния СССР, созданную в поясе между Балтийским и Чёрным морями.

США извлекли важный исторический урок, на этот раз отказавшись от изоляционистской позиции и приняв активнейшее участие в решении ключевых вопросов послевоенного устройства в Европе и Восточной Азии. Возникновение глубоких расхождений между западными союзниками и СССР по основным вопросам послевоенного устройства во всём мире привело к расколу мира на два геостратегически и идеологически враждебных лагеря – западный во главе с США и возглавляемый СССР восточный. Напряжённые отношения между ними получили название «хо-

лодной войны», которая длилась больше 40 лет.

Завершение Мировой войны стало началом других перестроек глобального значения, которые к послевоенному урегулированию прямо не относятся. Важнейшая из них – ликвидация колониальных империй. Их европейские метрополии, серьёзно ослабленные в Европейской войне, в ходе Мировой войны осознали стратегическую невозможность защиты своих удалённых империй от натиска как соперников, так и национально-освободительных движений, которые проявили тенденцию объединять свои силы. Процесс деколонизации, в основном завершившийся в 1960-е гг., привёл к возникновению свыше ста новых государств так называемого «Третьего мира».

Руководство СССР приняло в ходе Мировой войны в чём-то сходное решение – из его идеологически основополагающих целей полностью исчезла всемирная пролетарская революция, надежда на которую высказывалась ещё накануне войны в связи с включением в состав СССР новых республик. Поскольку народные массы в европейских странах не проявили намерения изменить общественный строй, сделать это можно было только в условиях оккупации советскими войсками, что накладывало на СССР серьёзное бремя. Поэтому страны, оказавшиеся по итогам Мировой войны в зоне влияния СССР, в отличие от прибалтийских республик не были включены в состав СССР. Распад колониальных империй был позже использован для расширения влияния СССР в мире, что породило надежду на его стратегический союз с «Третьим миром», однако необходимая для этого колоссальная помощь развивающимся странам превышала возможности СССР.

«Холодная война» завершилась на пороге 1990-х гг., когда не выдержавший её тяжёлого бремени СССР прекратил своё существование, и все входившие в его состав республики провозгласили независимость. Тем самым по сути завершился почти полувековой период, когда геополитическая карта мира определялась последствиями Мировой войны. Это был, несомненно, третий переломный момент в геополитической истории 20-го века, сопоставимый по своим последствиям с первым в 1917–1918 гг. и вторым в 1945 г. В то же время нет оснований выделять его в этом ряду как особо значимый или драматический, тем более, что в отличие от двух предшествовавших ему он обошёлся без войн. Следует напомнить, что и в 1917 г. Российская империя распалась практически по тем же швам – помимо Польши и Финляндии от неё тогда отпали Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, Эстония, Латвия, Литва, из которых одни удалось вернуть в состав её советской преемницы раньше, другие – несколько позже.

Распад СССР – по сути Второй Российской империи – спустя семь десятилетий вряд ли можно рассматривать как событие чрезвычайное. Что касается его эмоциональной оценки как положительной, так и отрицательной, то она, естественно, субъективна – с одной стороны, в результате распалась восточноевропейская держава, преемница которой остаётся крупнейшим по территории государством в мире, с другой стороны, объединилась Западная Европа, и на Европейском континенте впервые за многие столетия установился наконец прочный мир, в котором, без сомнения, нуждаются народы всех европейских стран.

Литература

Черчилль У.С. Вторая мировая война. В 3 т. [Предисловие автора]. – М. : Воениздат, 1991. – кн. 1. – 590 с.

Neumann S. The Future in Perspective. – New York : Putnam, 1946. – 406 p.

Taylor, A.J. P. The Origins of the Second World War. – London : Hamilton, 1961. – 296 p.